

Глава 1. Медведь Топтун

дмунд! Ты опять жульничаешь! — воскликнула Сьюзен.

— С чего ты взяла, Сью? — пролепетал король. — Я

вовсе не жульничал.

— Не-ет! — Старшая сестра от возмущения так замотала головой, что из ее великолепной прически выбилась пара локонов. — Ты жульничал, и я это видела. Думаешь, стоит заорать, как ненормальный: «Смотрите — снегирь!» — и все тут же, разинув рот, уставятся в небо? Ха-ха, тоже мне выдумал —

снегирь! Откуда ему взяться в разгар лета, когда на земле нет ни одной *снежинки*?

При этих словах Питер и Люси, стоявшие рядом запрокинув головы и приоткрыв рты, переглянулись и с осуждением посмотрели на брата.

— Но снегирь и вправду был! — настаивал Эдмунд. — Видите вон ту ветку? Она еще похожа на скрюченный палец... Вот на ней-то он и сидел. Честно!

— В таком случае, куда он делся? — ехидно спросила Сьюзен.

— Да, куда он делся? — вторил ей Питер, сурово нахмурив брови.

— Не знаю... — На лице Эдмунда растерянность смешалась с обидой. Так выглядит человек, который говорит чистую правду, но которому почему-то никто не верит.

— Может быть, он улетел? — пришла на помощь брату Люси, младшая из семейства Певенси.

— Может быть. — Эдмунд пожал плечами. — Я как раз собирался катнуть свой шар, когда увидел снегиря. Я отвлекся, рука дернулась и...

— Ничего она не дернулась! — возразила Сьюзен. — Ты специально швырнул шар, вместо того чтобы катнуть! А чтобы никто этого не заметил, придумал своего снегиря. И еще ты заступил за черту, я видела!

— Да не заступал я! — Эдмунд был близок к отчаянью. — Это... Это все проклятая тархистанская обувь! И кто придумал, что в

шары можно играть только в туфлях с загнутыми носками и без задников! — простонал он. — Они постоянно слетают с ноги!

— У меня почему-то не слетают! — съехидничала Сьюзен. — И у Питера не слетают, и у Люси. Интересно почему?

— Понятия не имею. Это выше моего понимания.

— Помолчите-ка вы оба, — сказал Питер, — мне нужно подумать.

Он думал не меньше минуты. Как и положено Верховному Королю, Питер хотел найти такое решение, которое бы в равной степени удовлетворяло обе спорящие стороны. Или, что почти то же самое, в равной степени ущемляло их права.

— Вот что, — сказал он наконец. — Ты, Сью, перестань цепляться к Эдмунду из-за птицы. Не такая уж невидаль — снегирь посреди лета. Или, по-твоему, все они весной улетают в *холодные края*? А ты, Эд, дернулась у тебя рука или нет, надеюсь, не станешь возражать, что последний бросок нужно повторить? Вот и хорошо. Кстати, кто-нибудь помнит, где чьи шары стояли?

— Я помню, я! — обрадовалась Сьюзен. — Мой, зеленый, был в самом центре круга.

— Да где же в центре?.. — начал было Эдмунд, но, махнув рукой, замолчал. Спорить со Сьюзен выходило себе дороже. Только проворчал вслед сестре:

— Напыщенная гусыня!

Однако Сьюзен услышала и ответила:

- Чванливый гусь!
- Гусеница!
- Гусиная гузка!

Как уже заметил читатель, за год, прошедший после воцарения наших героев на престоле Нарнии, а вернее сказать, на четырех престолах, их манеры не сильно изменились. То же можно сказать об их умении облекать мысли в слова. Это в будущем дворцовый этикет, общение с иноземными дипломатами и необходимость время от времени издавать королевские указы испортят их речь словечками вроде «посему» и «снискать». А пока они разговаривали друг с другом, как обычные девочки и мальчики их возраста, вместо «сей» говорили «этот», вместо «ибо» — «потому что», а вместо «позаимствовать» могли вывалить целую гору схожих по смыслу слов: «украсть», «стащить», «стянуть», «уволочь» и даже «слямзить». В искусстве обмена «любезностями» юные короли и королевы тоже недалеко ушли от своих сверстников. Когда доходило до перебранки, ругались на чем свет стоит.

— Ты снова бросаешь, Эд, — напомнил Питер, когда положение на игровой площадке общими усилиями было восстановлено.

— Не забудь посмотреть по сторонам, вдруг увидишь еще какую-нибудь птицу, — съязвила Сюзен.

Эдмунд только фыркнул и, подбрасывая на ладони свой шар, встал на исходную позицию — в пяти шагах от черты. Каменный шар

весом в пять фунтов, отшлифованный и окрашенный синей глазурью, хорошо сидел в руке. Эдмунд набрал полную грудь воздуха и, задержав дыхание, сделал четыре быстрых шага к черте, одновременно отводя правую руку назад и вниз. Ему осталось сделать последний шажок и присесть, когда Сьюзен громко сказала — будто бы про себя, а на самом деле, что называется, под руку:

— Феникса, например, или птицу Рух...

— Чтоб тебя! — воскликнул Эдмунд, но выпавший из руки шар уже катился по специально выровненной дорожке.

— Что-то не так? — Сьюзен напустила на себя невинный вид, который, впрочем, продержался недолго. Лишь до тех пор, пока синий шар не остановился точно в центре начерченного мелом круга, предварительно вытолкнув зеленый далеко за его границы.

В этом и заключалась суть игры в шары, завезенной в Нарнию торговцами из Тархистана: вытолкнуть из круга максимальное число шаров противника так, чтобы твои собственные остались внутри, причем, чем ближе к центру, тем лучше. Правда, сами тархистанцы называли эту игру «ядра».

— Спасибо за помощь, сестренка, — поблагодарил Эдмунд почти искренне. Ведь кто знает, насколько удачен был бы его бросок, кабы не уловка сестры.

Сьюзен прошипела в ответ что-то неразборчивое, возможно, по-кошачьи. Люси коснулась ее руки и попыталась урезонить:

— Не злись, Сьюзен. У тебя еще много шаров. Игра только началась.

— Без тебя знаю, — отмахнулась Сьюзен. — Чья теперь очередь?

— Моя, — сказал Верховный Король и взял со стойки красный шар.

Однако сделать бросок Питеру не довелось. Ни в этот день, ни на этой неделе, ни даже в ближайшие несколько месяцев.

Потому что, не успев король отойти от стойки, как в дверь, ведущую из дворцовых покоев во внутренний двор, кто-то громко постучал: «Бом! Бом! Бом!» — и с этого стука начались события, которые надолго отбили у Питера интерес к детским забавам.

— Кто бы это мог быть? — спросила Сьюзен таким тоном, каким иногда спрашивают у лавочника: «Что это у вас, сыр? А это, надо полагать, творог?» Словом, в тех случаях, когда сами прекрасно знают ответ, но хотят почесать языком.

— А ты как будто не догадываешься! — усмехнулся Эдмунд. — Ясное дело, Тукки. Кто еще сумел бы постучать в дубовую дверь так, чтобы звук вышел как от удара в медный колокол? Не говоря уж о том, что он сегодня единственный не считая нас, кто остался во дворце.

— Ох, — притворно вздохнула Сьюзен. — Все-таки надо было отправить его домой вместе с остальными.

Питер и Люси, не сговариваясь, кивнули, а Эдмунд не удержался от замечания:

— Куда же ты его отправишь, когда он родился здесь и прожил всю жизнь. У него нет другого дома, кроме дворца. На то он и дворецкий.

— И все равно... — заговорила Сьюзен, но тут этот странный звук — не поймешь, то ли стук, то ли звон — повторился, и Питер громко сказал:

— Входи, Тукки Тук.

Дворецкий вошел и замер по левую руку от двери.

— Ваши величества! — провозгласил он.

На вид Тукки казался древним и чопорным, как Вестминстерское аббатство. Впрочем, он и был таким, как и его отец, и дед, и их далекий предок Тиккери Тук, семь веков назад служивший при дворе самого Гейла, тогдашнего короля и первого императора Одиноких Островов. По крайней мере, так гласила семейная легенда. С первого взгляда на его черный фрак, кружевную манишку и маленькую красную шапочку (которая смотрелась бы нелепо на ком угодно, только не на Тукки) становилось ясно, что перед вами настоящий дворецкий. Не чета тем управляющим, которых в наше время нанимают владельцы дорогих особняков и тоже, потакая моде, упрямо именуют дворецкими. Иначе говоря, Тукки был как раз таким дворецким, какого заслуживал Кэр-Паравел, прозванный также Четырехпрестольным, дворец, стоящий в устье Великой реки.

— Ваши величества! — еще торжественней и громче повторил Тукки, хотя все и так

его слушали. — Медведь Топтун из Темного Бора испрашивает аудиенции.

«Вот ведь как погибает! — подумал Эдмунд. — Нормальный человек сказал бы попростому, мол, медведь такой-то и сякой-то просит о встрече. А этот — «испрашивает»!.. «аудиенции»! Одно слово — дятел!»

Кстати, чуть не забыл. Тукки действительно был дятлом. Обыкновенным говорящим дятлом. В прежние времена таких, как он, встречалось в Нарнии немало, ныне же все говорящие дятлы были наперечет, так же как и бобры, и некоторые другие виды животных и птиц. Посвятив всю жизнь служению нарнианским королям, дятлы из династии Туков сами стали похожи на людей. Например, Тукки с его горделивой осанкой и надменной физиономией смахивал на старичка, который всегда не прочь вспомнить историю-другую из благословенного прошлого и попенять нынешнему поколению на несоблюдение традиций. Только внимательно приглядевшись, можно было заметить, что его черный фрак — всего-навсего сложенные за спиной крылья, манишка — белое пятнышко на груди, а шапочка — хохолок из красных перьев.

— Так вели ему войти, — сказал Питер. — Мы примем его, не мешкая.

— Не смею возражать, ваше величество, — сухо произнес Тукки, глядя куда-то вверх. — Однако позволю себе заметить, что Большой Зал куда лучше приспособлен для

официальных приемов, нежели площадка для игры в шары.

— Что? Томиться в четырех стенах в такую жару! — возмутился Эдмунд. — Да мы задохнемся от тамошней духоты!

— Зато в Тронном Зале всегда есть на что присесть, — заявил Тукки. — Это на тот случай, если аудиенция затянется. И потом, если станет слишком душно, мы откроем восточные ворота и ветер с моря принесет свежесть и прохладу.

— Не спорь с ним, — Питер, вздохнув, положил красный шар обратно на стойку. — Все равно не переспоришь.

— Упрямая птица! — пробурчал Эдмунд себе под нос. — Надеюсь, нам хотя бы не придется наряжаться в мантии!

— Что поделаешь, такова королевская доля, — пошутил Питер.

— И это называется выходной день! — посетовал Эдмунд, брезгливо сбрасывая тархистанские туфли, чьи загибающиеся кверху узкие носки напоминали птичьи клювы.

Действительно, этот день хозяева Кэр-Паравела надеялись целиком посвятить отдыху. Не столько от забот, которые в спокойной Нарнии выпадали на их долю нечасто, сколько от блеска и церемонности дворцовой жизни, пленительной снаружи, но подчас утомительной изнутри. Поэтому еще накануне вечером вся прислуга была отправлена по домам — готовиться к Летнему празднику. Даже повара, которых едва удалось убедить,

что небо не упадет на землю, а воды Великой реки не остановят свой бег, если один день в году их королевские величества обойдутся холодными закусками.

И только Тукки Тук наотрез отказался от отдыха, утверждая, что дворец без дворецкого — как корабль без капитана, только хуже.

«На самом деле злобный старикан остался, чтобы поиздеваться над нами, — думал Эдмунд пять минут спустя, с отвращением застегивая под горлом тугие крючки. Воротник из меха горносталя, которым была оторочена его небесно-голубая мантия, в летнюю пору был сущим наказанием. — Ну, погоди у меня!»

Тем временем сам «злобный старикашка» наблюдал за его мучениями, стоя в сторонке и удовлетворенно покачивая головой. И посмеиваясь про себя, в чем Эдмунд почти не сомневался.

— Знаешь, кого он мне напоминает? — спросил он у Питера, когда Тукки Тук отправился за посетителем. — Кстати, ты не видел мою корону?

— Осторожно, еще немного и ты на нее сядешь, — рассеянно произнес Питер, пытаясь выпутаться из шлейфа собственной мантии. — Ты имеешь в виду Тукки?

— Спасибо! — Эдмунд водрузил на голову тонкий золотой обруч. — Да, его. Милейшего старину Тукки.

— И кого же?

— Миссис Макриди!

— Кого?! — Питер часто заморгал, как человек, которого разбудили посреди ночи, чтобы спросить, в каком году до нашей эры случилось восстание Спартака.

Потихоньку он начал вспоминать. Сперва огромный дом со множеством комнат, коридоры которого украшали старинные доспехи, картины и гобелены. Потом его хозяина, профессора Дигори Керка, забавного седого старичка с вечно взлохмаченной бородой. И, наконец, экономку по имени Макриди, вредную даму, которая выходила из себя, когда кто-нибудь прикасался к доспехам, и запрещала детям приставать к профессору «со своими глупостями».

Вспомнил Питер и длинную пустую комнату, где не было никакой мебели, кроме большого платяного шкафа, на вешалках которого висели старые шубы, а по углам белели нафталиновые шарики. Именно через этот шкаф год назад Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси попали в Нарнию и за какую-то неделю совершили головокружительную карьеру, из обычных английских школьников (не считая Люси, которая должна была пойти в школу только будущей осенью) превратившись в повелителей прекрасной сказочной страны.

— Да, ты прав, сходство налицо. Вылитая миссис Макриди, только с клювом, — задумчиво сказал Питер. — Но, знаешь... Я только сейчас заметил, что почти не помню, как мы жили до Нарнии. То есть, если сосредоточиться, воспоминания приходят, но все какие-то...

призрачные, что ли. Как будто все это происходило во сне или в прошлой жизни.

— Или не с нами, — серьезно кивнул Эдмунд. — Мне кажется, я знаю, почему так получается. Воспоминания — это такая штука... Потянешь за одно, а вытянешь другое. А за ними непременно потянутся третье и четвертое. И вовсе не обязательно все они будут приятными.

— Наверное... Наверное, так и есть, — пробормотал Питер, пробуя на вкус слова, возникшие будто бы ниоткуда: «бомбоубежище», «эвакуация», «продуктовый паек». Так щупают языком болячку на нёбе, которая, чем больше трогаешь, тем сильнее беспокоит. Питер энергично потряс головой, прогоняя прочь тревожные слова, пока они не успели стать образами.

К счастью, именно в этот момент вернулся Тукки Тук.

— Ваши величества! — воззвал он. — Медведь Топтун! — И, выполнив свою миссию, замер в любимой позе: лапки вместе, клюв вздернут, крылья сцеплены за спиной.

Вслед за дворецким, неуверенно озираясь, в Зал вкатился здоровенный медведь. Я говорю «вкатился», потому что именно это слово первым приходило на ум при виде его походки. Неспроста в нашем мире медведей называют косолапыми и учат в цирке кататься на велосипеде. Разумеется, говорящие медведи Нарнии в развитии далеко обогнали своих диких собратьев, но Топтун, похоже, был из

тех, кто немного приотстал в пути. Он даже лапы при ходьбе переставлял так, будто крутил невидимые педали.

«Какой он потешный!» — подумала Люси и прикусила щеку, чтобы не рассмеяться, что было бы совсем некстати. Грузный медведь казался вдобавок очень грустным. К тому же, впервые попав во дворец, он робел. Его повергали в смятение и роскошь убранства, и присутствие таких юных, но уже прославленных королей, а главное, Топтун очень стеснялся собственной громадности и неуклюжести. Поэтому, сделав шагов пять, он застыл, не в силах двигаться дальше, спрятал лапы за спину и вообще постарался стать как можно незаметнее, что при его размерах, согласитесь, было просто глупо.

«Какое тут все красивое и хрупкое! Тронешь лапой, а оно — хрусть! — и вдребезги. А полы... Так и сверкают! Ох, не наследить бы!..» — вздохнул Топтун.

— Ну, что же ты? — поторопил Питер. — Подойди ближе и скажи нам, что за нужда привела тебя сюда. — И закончил мысленно: — «...так некстати».

Ему не больше, чем Эдмунду, нравилось сидеть на жестком стуле, в пурпурной мантии и с золотым обручем на голове, который, при всем своем изяществе, был довольно-таки тяжелым. Из всей четверки только модница Сьюзен носила корону днями напролет, но ее корона была серебряной, а серебро, как известно, намного легче золота.

Услышав голос Верховного Короля и увидев его свирепо нахмуренное чело, Топтун чуть не провалился сквозь землю. (На самом деле Питер морщил лоб и двигал бровями, пытаясь вернуть на место сползшую корону, покуда руки его были заняты скипетром и державой, но что несчастный медведь мог понимать в тяготах королевской жизни!) Он только переступил с лапы на лапу и бросил беспомощный взгляд на стоящего рядом дворецкого, который, естественно, и не подумал прийти на выручку.

«Бедняжка! До чего же он стеснительный!» — умилилась Люси и легко спрыгнула с трона. Младшая из королев подбежала к медведю, протянула ему руку и ласково сказала:

— Не бойся! Идем со мной!

Топтун посмотрел на нее с высоты своего роста и, помедлив, осторожно коснулся маленькой ладошки огромной левой лапой. Правую он отчего-то по-прежнему прятал за спиной.

— Вот так, вот так, молодец! — приговаривала Люси, ведя медведя через Зал, и ко-солапый послушно семенил за ней. — Ну вот мы и пришли. А сейчас, будь так добр, помоги мне забраться на трон. Он такой высокий, а я... такая маленькая.

От просьбы Люси Топтун, который начал было успокаиваться, снова пришел в ужас. Маленькая?! Да она была просто крошечной! И наверняка очень хрупкой. Шейка как тро-

стинка, ручки — стебельки... Но делать нечего. Медведь наклонился, зажмурился и... обхватив невесомое создание за талию, усадил на трон. Что называется, одним махом. И одной лапой, опять левой.

— Спасибо, Топтун, — поблагодарила Люси. — Ты очень любезен.

Медведь в смущении шаркнул задней лапой. На мраморном полу остались следы от когтей.

— Теперь расскажи нам о том, что тебя беспокоит, — сказала Люси.

— Да уж, и чем скорее, тем лучше, — поддакнул Эдмунд, которому горностаевый воротник жег горло.

— Не торопи его, — шепнула Люси и ободряюще улыбнулась Топтуну. — Тебя ведь что-то беспокоит, мишка?

— Да, — решился Топтун. — Меня беспокоит мед... То есть пчелы... То есть... вот! — Он достал из-за спины правую лапу. Оказалось, что лапа обмотана какой-то тряпицей неопределенного цвета — не исключено, что когда-то она была белой, но этот цвет плохо подходит для долгих прогулок по лесу.

— Что с твоей лапой, мишка? — воскликнула Люси.

— Тебя кто-то ранил? — нахмурился Питер.

— Или укусил? — предположила Сьюзен.

— Так и есть... ранил... укусил... — Медведь пару раз потрянул головой и, может быть, от этого вспомнил наконец то, чему научил его Мудрун, старейший из медведей, прежде чем

оправить с важным поручением в Кэр-Паравел. Топтун бухнулся на колени и во всю глотку заревел:

— Защиты и справедливости!

От этого рева Сьюзен подпрыгнула на месте, а Питер с Эдмундом пожалели, что не взяли с собой мечи. Только Люси, казалось, ни капли не испугалась.

— Зачем же так кричать? — сказала она и провела рукой по медвежьему затылку. Ощущение было такое, будто гладишь шубу, которая греет сама по себе. Люси даже зажмурилась от удовольствия. Ей всегда очень нравилось гладить мех. Если вдуматься, именно по этой причине братья и сестры Певенси оказались в Нарнии. Ведь это из-за шуб, висящих в два ряда, Люси в первый раз забралась в тот самый платяной шкаф.

— Здесь ты получишь и защиту, и справедливость, но сначала, может быть, меду? — спросила маленькая королева.

Медведь поднял на нее глаза и благодарно кивнул.

— Милый Тукки, ты не мог бы... — сказала Люси.

Старый дворецкий неодобрительно щелкнул клювом (ведь дятлы не умеют фыркать), однако покинул Зал и вернулся через минуту с небольшим деревянным черпаком. Всю дорогу туда и обратно он тихонько ворчал о том, что дворецкому не пристало выполнять работу за слуг, которых, кстати, никто не просил выгонять, — и все в таком духе.